

DOI 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-152-169

УДК 636.29(571.121)

А. И. Волковицкий

Институт экологии растений и животных УрО РАН;
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН
Лабытнанги, Санкт-Петербург, Российская
Федерация
ORCID: 0000-0001-8767-0944
E-mail: vlk73@mail.ru

А. Н. Терёхина

Институт экологии растений и животных УрО РАН;
Федеральный научно-исследовательский социологи-
ческий центр РАН; Музей антропологии и этногра-
фии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Лабытнанги, Санкт-Петербург, Российская
Федерация
ORCID: 0000-0002-2949-0520
E-mail: arda-gavanj@mail.ru

Современные проблемы ямальского оленеводства: дискуссии и перспективы*

АННОТАЦИЯ. Ямало-Ненецкий округ давно позиционируется как самый оленеводческий и крупнейший газодобывающий регион России. Синтез современных технологий и «традиционного образа жизни» стал брендом Ямала. Вспышка сибирской язвы в Ямальском районе летом 2016 г. вызвала повышенное внимание к вопросам оленеводства. В ходе ликвидации последствий эпизоотии самое большое в мире поголовье домашнего северного оленя, предмет гордости ямальцев, было объявлено главной экологической проблемой региона, причина которой — методы ведения хозяйства самими ненцами. Антракс и тема перевыпаса вызвали дискуссии среди исследователей разных научных направлений и актуализировали необходимость государственного регулирования содержания оленей. Статья посвящена обзору и анализу кризисных событий ямальского оленеводства последних лет и курсов заинтересованных сторон, в том числе противоречивым взглядам представителей естественных и социальных наук на причины вспышки антракса и проблему перевыпаса.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :

оленеводство, Ямал, Ямало-Ненецкий автономный округ, ненцы, сибирская язва, ресурсы, экосистема

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я :

Волковицкий А. И., Терёхина А. Н. Современные проблемы ямальского оленеводства: дискуссии и перспективы. *Этнография*. 2020. 2 (8): 152–169. doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-152-169

* Половина статьи подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00309 «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В. Н. Давыдов).

A. Volkovitskiy

Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS;
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS
Labytnangi, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8767-0944
E-mail: vlk73@mail.ru

A. Terekhina

Arctic Research Station of Institute of Plant and Animal
Ecology UB RAS;
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS;
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography of the RAS
Labytnangi, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2949-0520
E-mail: arda-gavanj@mail.ru

The contemporary issues of Yamal reindeer herding: discussions and perspectives

ABSTRACT. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug has been long presented as the most reindeer-herding and the largest gas producing region of Russia. The synthesis of modern technologies and the “traditional way of life” has become the brand of Yamal. The outbreak of the Siberian plague in Yamal in the summer of 2016 attracted increased attention to the issues of reindeer herding. In the course of the remediation of the consequences of the epizootic, the world’s biggest domestic reindeer population, which used to be a source of pride for Yamalians, was declared to be the main ecological problem of the region, the reason of which was said to be in the livestock breeding methods of the Nenets. The anthrax and the issue of overgrazing provoked discussions among the scholars of different disciplines and demonstrated the need for the state regulation of reindeer herding. The article provides a review and an analysis of the recent critical events in the field of reindeer herding and the discourses of the parties involved, including the contradictory views of the representatives of natural and social sciences on the reasons of the anthrax outbreak and the problem of overgrazing.

KEYWORDS:

reindeer herding, Yamal, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Nenets, Siberian plague, resources, ecosystem

FOR CITATION:

Volkovitskiy A., Terekhina A. The contemporary issues of Yamal reindeer herding: discussions and perspectives. *Etnografya*. 2020. 2 (8): 152–169. (In Russ.). doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-152-169

В последние годы Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) приобрел имидж ведущего оленеводческого региона России, а ямальские ненцы — репутацию наиболее успешных оленеводов. О них снимают документальные и игровые фильмы, поисковый запрос «олeneводство» в Интернете предлагает в первую очередь картинки с видами Ямала и ямальских кочевников, их культура постоянно находится в фокусе исследователей разных направлений. Такое пристальное внимание оправданно: Ямал остается самым кочующим и самым оленеводческим регионом России. Здесь выпасается, как свидетельствует официальная статистика, около 700 тыс. голов оленей — треть мирового поголовья домашних оленей.

До самого недавнего времени в ЯНАО положительный взгляд на оленеводство доминировал на всех уровнях, полностью корреспондируя с оценкой А. В. Головнёва, охарактеризовавшего ямальских ненцев как «лидеров среди народов современной России по использованию потенциала собственной этнической культуры на душу населения»; «победителей», добившихся успехов «в наращивании производственных ресурсов, причем не за счет передела чужой собственности, а на основе своей, сконцентрированной в оленеводстве» (Головнёв 2004: 6). На протяжении последних десятилетий едва ли не единственной потенциальной угрозой устойчивому развитию оленеводства ЯНАО считалось интенсивное промышленное освоение пастбищных территорий, связанное с добычей углеводородов.

Еще в начале 2010-х гг. социальные исследования, казалось, были обречены на балансирование в рамках уже существующей проблематики, но события последних лет в значительной степени повлияли на образ успешного ненца-олeneвода и актуализировали саму возможность обращения к ямальскому оленеводству как к единой, развивающейся за счет внутренних ресурсов системе. Кризисные явления (эпизоотии, аномальные климатические явления, падежи и проч.) всегда были присущи тундровому оленеводству, но их нерегулярность, критичная для отдельных хозяйств в конкретный момент, определяла стабильность культуры в целом — этот глобальный характер проявляется и в других сообществах пасторалистов (Warren 1995). Устойчивость системы (вне зависимости от смещения акцентов, связанных с использованием терминов *resilience*, *sustainability*, *flexibility* и т. д.) в значительной степени зависит от частоты этих явлений. Климатические аномалии или изменившиеся социальные условия, как показывает исторический опыт, могут серьезно ограничивать или ликвидировать оленеводство в отдельных районах (Аляска, остров Колгуев, постсоветские оленеводческие регионы).

В статье предпринята попытка представить комплексный взгляд на кризисные события последних лет и проблемы использования ресурсов кочевниками Ямала. Эти события вызвали разные реакции

и сформировали целый спектр дискурсов (региональных властей, ученых, СМИ, самих оленеводов), а также определили стратегии в менеджменте и исследованиях ямальского оленеводства, которые стали для нас объектом осмысления. В основу нашего текста легли полевые материалы 2014–2019 гг., собранные в Ямальском и Приуральском районах ЯНАО.

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЯМАЛЬСКОМ ОЛЕНЕВОДСТВЕ

Период, начавшийся в середине 2010-х гг., оказался весьма значимым в оленеводстве Ямала в целом и Ямальского района в частности. Полагаем, что за последние десятилетия эти несколько лет были в наибольшей степени насыщены кризисными событиями, серьезно изменившимися, по крайней мере в округе, само отношение к тундровым кочевникам и к их методам ведения хозяйства. Термин «кризис» в связи с ямальским оленеводством впервые использовал А. В. Головнёв (2016), однако в его работах цепь событий *падеж — сибирская язва — истощение пастбищ — возможность и/или необходимость регуляции численности оленьих стад* рассматривается, скорее, как культурный феномен, своего рода ответ на конкретные события. Между тем тенденции изменения климата, теплеющей Арктики и обращение к оленеводству в рамках экосистемных подходов предполагают актуализацию проблемы на более глобальном уровне.

Падеж оленей 2013–2014 гг. Отправной точкой, нарушившей равновесие во взглядах и подходах науки, власти и общества, стали события зимы и весны 2013–2014 гг., когда в ЯНАО произошел крупнейший за многие годы падеж оленей. Хронология, последствия и возможные причины *салаба по* («ледяного года») достаточно подробно описаны как в антропологической литературе, так и в естественно-научных работах (Головнёв 2016; Перевалова 2016; Forbes et al. 2016; Sokolov et al. 2016).

Летняя жара, иссушившая тундру, сменилась аномальной погодой в осеннее время. Из-за раннего снегопада и ледяных дождей (*rain-on-snow*) в южных тундрах и в зонах, граничащих с переходами через р. Обь, на снегу сформировалась многослойная ледяная корка, ограничившая доступ оленей к пастбищам. Истощение животных по мере движения к зимним ягельникам Надымского района привело к массовому падежу, точные масштабы которого неизвестны. Часто называются цифры в интервале от 75 до 90 и более тысяч голов, но следует помнить, что в фокусе внимания, как это часто бывает в ЯНАО, оказались кочевники Ямальского района, в то время как гибель животных наблюдалась и в других районах. Например, весенняя дорога Салехард — Аксарка в 2014 г. была усыпана телами павших оленей из стад, принадлежавших приуральским оленеводам; трупы оленей были заметны только по торчавшим из-под снега рогам. Более того, по окончании зимнего падежа многие оленеводы,

оставшиеся на зимовку на территории Ямальского полуострова, потеряли часть животных в ослабленных стадах уже в весенний период.

На собрании тундровиков на День оленевода в Яр-Сале в апреле 2014 г. казалось, что эти события будут трагическим форс-мажорным эпизодом в истории ямальского оленеводства, а последствия этой беды будут преодолены совместными усилиями кочевого сообщества и властей. Действительно, тогда падеж воспринимался как неожиданная катастрофа, ограниченная во времени и пространстве, скорого повторения которой, к счастью, ожидать не приходится.

Несмотря на относительно быстрые темпы восстановления поголовья, именно после падежа 2013–2014 гг. наблюдались кумулятивные последствия движения стад на Ямале, изменившие мобильность части коллективов — как «совхозных» бригад, так и оленеводов-частников. Состояние ослабленных животных не позволяло, по мнению части пастухов, каслать до привычных летних пастбищ, вынуждая оленеводов сокращать маршруты. В свою очередь это приводило к концентрации стад в ряде районов в течение нескольких лет. Такое уплотнение (например, в бассейне р. Юрибей) вело к избыточному прессингу на пастбища, используемые в зимнее время частниками. Отметим, что на изменение трафика зачастую влияли и состояние оленей, и меняющиеся погодные условия. В частности, «быстрой» весной 2015 г. темпы снеготаяния опередили все ожидания оленеводов, и некоторые хозяйства были вынуждены остановиться перед крупными водными преградами, которые они привыкли преодолевать по льду. Представление о «слабых оленях» привело в отдельных случаях к изменению режима касланий, особенно на длительных дистанциях в снежное время. Уже несколько лет многие стратегические участки известные нам ямальские и приуральские хозяйства не преодолевают на упряжках — если есть возможность, стада перегоняют на снегоходах. «Мы уже несколько месяцев своих оленей не видели», — так не без иронии комментировали подобную ситуацию женщины одной из приуральских бригад осенью 2018 г., подразумевая, что со стадом контактируют только пастухи, а чумы и люди каслают при помощи техники.

Начиная с 2013 г. южные тундры Ямала воспринимаются многими как территория, находящаяся в зоне риска: с одной стороны, здесь проходит маршрут, ведущий к хорошим лесным ягельникам, с другой — именно на этом отрезке стада подвергаются угрозе в осенний период из-за опасности ледяных дождей. Напротив, уже весной, в случае нестабильной погоды, по дороге на север, к зеленым летним пастбищам, олени могут тут потерять весь набранный зимой вес. Эта «вилка», прогнозировать которую невозможно, диктует многим хозяйствам, в том числе крупным, решение оставаться на деградировавших зимних ягельниках Ямальского района, в то время как другие, наоборот, стали переходить на правый берег Оби.

Вспышка сибирской язвы в 2016 г. Официальная история событий лета 2016 г. хорошо известна (Опыт ликвидации... 2017). Не позднее 7 июля в условиях аномальной жары к северу от Яротинских озер и в районе Новопортовского месторождения в стадах частных, летовавших здесь, и в каславших рядом совхозных бригадах начался падеж оленей. К сожалению, диагностировать причину — антракс — удалось только 25 июля, и в итоге до 30 августа (отмена карантина) пало 2 350 оленей (300 подвергнуто принудительному забою), заболело 36 человек, один ребенок скончался. Последствия сибирской язвы, трагические для семей, оказавшихся в зоне очага, в масштабах оленеводства всего района сейчас видятся гораздо менее значимыми, нежели эффект от падежа 2013 г., однако их общественный резонанс оказался более существенным.

Поиск причин неожиданной, как многим казалось, вспышки сибирской язвы свелся к довольно простой схеме. Все исследователи подчеркивали аномальный характер летней жары 2016 г., которая, по их мнению, стала драйвером оттаивания мерзлоты, консервировавшей споры антракса от давних эпизоотий. Эта картина, по словам ученых, усугубилась экстенсивным выпасом оленей, поголовье которых, превышая исчисленную оленеемкость ямальских пастбищ, выбивает растительный покров и угрожает устойчивости тундровых экосистем. Форсированное наращивание стад на Ямале начиная с 1990-х они связывают с оленеводами-частниками, реализующими вне государственного контроля традиционную ненецкую модель на нерациональное увеличение личного поголовья, тем более — в условиях ориентации современных хозяйств исключительно на пантовый рынок (напр.: Bogdanov, and Golovatin 2017: 96–98). Вместе с тем в отчете по ликвидации антракса подчеркивается, что именно прекращение вакцинации против сибирской язвы на Ямале еще в 2007 г. сыграло важнейшую роль во вспышке 2016 г. (Опыт ликвидации... 2017: 62, 164–165).

Миграция диких оленей осенью 2017 г. Ямальское оленеводство традиционно находилось в состоянии «паритета» между домашними и дикими оленями, которые не доставляли ненцам столько беспокойства, сколько, например, кочевникам Чукотки и Таймыра. В 2017 г. это равновесие было нарушено прорывом крупных стад «дикаря» в центральную и южную части полуострова Ямал. Дикие олени, проживающие в разные сезоны на острове Белом и на материковой части в районе пролива Малыгина, совершают миграции, пересекая Обскую губу и двигаясь по кругу. Осенью 2017 г. «дикари» в большом количестве неожиданно двинулись на юг: жители Сеяхи показывали нам участки рядом с поселком, где концентрировались стада численностью 2–3 тыс. голов. Наши информанты встречали их на «левом севере» в районе р. Юрибей и на «правом» — в новопортовской тундре. На своем пути «дикари» откалывали

домашних оленей, в сабеттинской и тамбейской тундрах нам довелось общаться с людьми, потерявшими в 2017 г. часть своих животных.

Причины такой неожиданной миграции, ставшей с 2017 г. своеобразным дамкловым мечом, угрожающим оленеводам, пока не выяснены. Показательно, что в науке и в кочевом сообществе, как это часто бывает, представления очень разнятся — обычно белоостровская популяция дикого северного оленя расценивается как сравнительно малочисленная, в то время как ее оценки ненцами, кочующими на проливе Малыгина, существенно отличаются в сторону увеличения. Интересно, что беглецы 2017 г., по мнению оленеводов, не *сэлха* (местные дикари светлой масти), а *тэ”муй* — пришлые бурые олени (Арзютов 2014). Их движение на юг ненцы объясняли двумя причинами: невозможностью перейти Обскую губу в условиях интенсифицировавшейся в последнее время навигации и гололедом на пастбищах в северной части Ямала.

Падеж оленей весной 2018 г. Весной 2018 г. ямальские СМИ сообщили о падеже оленей в сеяхинской тундре у семей, зимовавших на Нейтинских озерах. Причиной изначально называли гололед, но по наблюдениям за состоянием снежного покрова, сделанным тогда специалистами Научного центра изучения Арктики (Салехард), ледяная корка была не основной проблемой: под снегом фактически отсутствовал ягель, и олени умерли от бескормицы (Первые выводы...2018). По официальным данным, пало около 1 000 животных, однако, по единодушной оценке сеяхинских ненцев, масштабы падежа, который охватил гораздо большую территорию, оказались значительнее. При этом, в отличие от ученых, тундровики главной причиной гибели животных считали все-таки гололед.

В целом локальные падежи (от бескормицы из-за образующейся корки после «дождя-на-снег»), о которых даже не всегда известно администрации и общественности, участились. Так, от оленеводов «левого севера» нам известно о гибели оленей на территории от устья Морды-яхи до низовьев Юрибея после выпавших дождей в ноябре-декабре 2018 г. и позднее — в апреле 2019 г. Каслая с ненцами, мы и сами могли наблюдать моментальное образование ледяного наста в районе 13-го разъезда железной дороги Обская—Бованенково в декабре-январе 2018–2019 гг. Как говорят некоторые тундровики, гололеды стали повторяться ежегодно, что создает порой общее настроение безысходности и надвигающегося «конца ямальского оленеводства».

Ликвидация МОП «Ямальское» осенью 2018 г. Специфика оленеводства Ямала на протяжении последнего столетия заключалась в сохранении большой доли частных оленей, игравших значимую роль в экономике тундровиков даже в социалистический период. В постсоветское время рост поголовья в ЯНАО происходил за счет увеличения доли личных стад, но бывшие совхозы, превратившись в муниципальные оленеводческие предприятия, продолжали существовать, хотя доля их оленей в Ямальском

районе и не превышала в последние годы 20%. Для многих оленеводов работа в «совхозе» оставалась привлекательной из-за заработной платы и социальных гарантий. Большинство частников единодушно признавали приоритет совхозных бригад в годовом хозяйственном ритме. Таким образом, известие о закрытии сеяхинского МОПа было поистине неожиданным, тем более что за несколько дней до этого в СМИ руководство предприятия делилось планами на будущее. В тундре возникло устойчивое мнение, что Сеяха — это начало процесса ликвидации всех МОПов, а совхозы в Панаевске и в Яр-Сале будут закрыты в ближайшие годы.

Нападения песцов на телят. Еще одно явление, только недавно сформулированное оленеводами как серьезная проблема, — нападения песцов на новорожденных телят в период отела. Случаи потери оленей из-за этих хищников были известны и ранее, однако примерно с 2017 г., по наблюдениям тундровиков, они стали массовыми. Для нас «песцовый кейс» впервые возник летом 2018 г., когда в правительство ЯНАО поступило письмо из сеяхинской тундры с жалобой на участившиеся нападения песцов на телят и с просьбой принять меры по регулированию численности этих арктических лисиц. Обращение было расценено как выдумка, написанная ради «очередных компенсаций коренным». Между тем в последние два года хозяйства, остававшиеся зимовать на полуострове Ямал, действительно теряли в период отела 10–30% телят из-за песцов.

ДИСКУССИЯ: «ЕСТЕСТВЕННИКИ» VS «ГУМАНИТАРИИ»

В 2014 г. казалось, что история оленеводства Ямала разделилась на историю до и после падежа, но спустя всего два года произошла вспышка сибирской язвы, которая дала старт неожиданной дискуссии, поляризовавшей экспертное сообщество и обозначившей границу между учеными разных направлений. С одной стороны оказались некоторые представители естественных наук, с другой — социальных.

Для первых язва явилась прямым следствием перевыпаса, уничтожения лишайниковых тундр оленьими стадами. Об этой проблеме давно писали специалисты, констатировавшие фактическое исчезновение лишайниковых тундр на полуострове Ямал и предупреждавшие о возможных последствиях ликвидации зимней кормовой базы оленя (Mogozova, Ektova 2015). Биологи оценивают поголовье оленей у тундровиков-частников как чрезмерное, связывают его рост с присущим именно ненцам нерациональным стремлением нарастить свои стада. Эта черта считается ими неотъемлемой частью ненецкой оленеводческой традиции, и, характеризуя ее, естественники часто ссылаются на авторов XIX — начала XX в., у которых можно встретить противопоставление зырянского и ненецкого стилей ведения хозяйства: ненцы живут, чтобы разводить оленей, зыряне разводят оленей для жизни. При этом в XXI в. эти установки, при всей

их неоднозначности даже для своего времени, определяются совершенно иными условиями и мотивациями.

Если для представителей биологического направления споры сибирской язвы — это часть экосистемы, необходимая для ограничения одного из ее компонентов (такого как поголовье северного оленя), для климатологов — следствие аномальной жары и таяния мерзлоты, то для антропологов антракс имеет культурную и историческую перспективу.

Опуская аргументацию, требующую пространного разъяснения, подчеркнем, что до середины XIX в. язва отсутствовала на той территории, которая сейчас входит в ЯНАО. С 1848 г. перемещаясь через районы Полярного Урала, «сибирка» впервые проникла в тундру только в 1911 г. Это ставит под сомнение объяснение о «регуляторе», возникающем в жаркие сезоны, — ведь в тот период, когда язва появилась в тундре, на Ямале поголовье в два раза и более уступало по численности современному, а климат был холоднее. Возвращаясь к ситуации 2016 г., нетрудно заметить, что во всех опубликованных работах акцент делается на температурных пиках всего лета или, в первую очередь, июля (напр.: Симонова и др. 2017: 91, рис. 1, 2). Однако в очаге сибирской язвы первые олени пали не позднее 7 июля, следовательно, внимание должно быть сфокусировано на июньских значениях. Более того, в практике мерзлотоведов актуальны не температуры как таковые, а индекс протаивания (*degree days of thawing* — DDT), представляющий собой сумму положительных среднесуточных температур с начала теплого периода времени к моменту измерений. Этот индекс для июня 2016 г. оказывается сопоставимым со значениями 2014, 2012, 2011, 2007, 1990 гг. Под тающей мерзлотой подразумевают активный слой мерзлоты (*active layer*), степень оттайки которого к июлю 2016 г. едва ли превышала степень протаивания любого ямальского лета, например, к концу июля. Таким образом, единственной реальной причиной язвы 2016 г. следует считать прекращение вакцинирования оленей более десяти лет назад (Volkovitskiy 2019: 6–7).

В тундре язва и связанные с ней события получили совершенно особую трактовку. Начиная с 2016 г. вопрос «А язва была?» является своего рода лакмусовой бумагой, демонстрирующей для ненцев компетентность собеседника, в нашем случае — антрополога. Оказываясь в разных регионах ЯНАО, мы до сих пор слышим его в чумах и вынуждены отвечать с большой осторожностью. Парадоксально, но никто из оленеводов не верит в то, что язва была на самом деле. История о «сибирке» превратилась в своего рода прозаический легендарный нарратив, повествующий об оленях, которые были отравлены (часто описываются вертолеты, разбрасывавшие над тундрой заразу) лишь для того, чтобы вытеснить кочующие семьи из района, предназначенного для промышленного освоения. В этом рассказе смешиваются как рациональные аспекты: перечисление симптомов, якобы абсолютно нетипичных для антракса, детали

работы в карантинной зоне, «уже установленная там буровая вышка», так и элементы, апеллирующие к религиозным представлениям: сжигание в карантине священных нарт было негативно воспринято как *хэвы* (грех) и объясняло причину аварии вертолета с ликвидаторами-военными. Следует отметить, что текст о язве чрезвычайно широко распространен — от чумов в отдаленных тундрах до контор оленеводческих предприятий. Его популярность, на наш взгляд, не только демонстрирует утрату части традиционных знаний (ненцы-олeneводы, даже с ветеринарным образованием, не смогли идентифицировать сибирскую язву), но и свидетельствует о кризисе доверия к властям.

Дискуссии в научном сообществе, привлеченном властями ЯНАО для обсуждения причин и последствий вспышки сибирской язвы, вновь подняли проблемы истощения пастбищ и перевыпаса, которые в итоге вытеснили тему антракса на второй план. Одним из ключевых тезисов «естественников» и вторящих им управленцев о «неэкологичном» увеличении поголовья стало так называемое пантовое оленеводство — то есть укрупнение стад исключительно для спила пантов, а не для сдачи мяса. Нам, с опорой на ежегодный в последнее время опыт участия в пантовых компаниях в разных тундрах, уже приходилось писать об искаженном понимании этого явления (Terekhina, Volkovitskiy 2019).

Другая группа — социальные исследователи — указывает на более глубокие и комплексные причины роста поголовья на Ямале. Кратко приведем лишь некоторые факторы социального характера, определившие, на наш взгляд, вектор развития ямальского оленеводства в последние десятилетия.

Как нам представляется, следует говорить не о тенденции роста числа оленей в тундре, а об увеличении числа хозяйств, основой выживания которых всегда являются только олени. От наших информантов в разных тундрах мы неоднократно слышали о том, что «чумов стало больше», «раньше тут два чума стояло, а теперь десять», «тундра не резиновая». С середины XX в. новая власть привнесла важные изменения, ликвидировавшие факторы, которые естественным образом ограничивали рост не только стад, но и населения. Полярная перепись 1926 г. фиксирует на полуострове Ямал 614 семей и чуть более 3 200 человек (Головнев 2014: 144), экспедиция В. П. Евладова в те же годы скорректировала список до 638 хозяйств (Евладов 1992: 253). В 1930-е гг. численность кочевого населения Ямала при любых допущениях оставалась на уровне менее 4 000 человек (Волжанина 2010: 94–98). В современной тундре Ямальского района кочует более 1 100 хозяйств и около 6 000 человек. Это цифра варьирует в зависимости от сезона из-за «скользящей оседлости» некоторых ненцев.

Таким образом, за послевоенные десятилетия при сильном вмешательстве государства (и его следует оценивать в данном случае положительно) в хозяйстве ямальских оленеводов произошли существенные

сдвиги, качественно повлиявшие на рост населения. При этом единственной формой занятия ненцев продолжали оставаться отрасли «традиционного хозяйства», даже несмотря на оседание кочевников в поселках. В этом смысле советская практика была тупиковой — демографический рост опережал (и должен был опередить) число рабочих мест в оленеводческих (рыболовецких или комплексных) предприятиях, залогом существования которых была эксплуатация биоресурсов.

Другой фактор, восходящий к советской истории, — изменение характера касланий. До 1930-х гг. большинство тундровиков со своими стадами уходило с полуострова на зиму в южные лесотундровые районы. Впоследствии тундра была разграничена для совхозных хозяйств, и оленеводы северного Ямала перестали кочевать на юг зимой, а другие утратили возможность каслать летом в те районы. В итоге оленеводы сеяхинской тундры оказались замкнуты на традиционных летних пастбищах и в течение уже ста лет используют их биоресурсы круглогодично.

Непосредственным следствием обсуждений перевыпаса стала инициированная властями ЯНАО оценка состояния оленьих пастбищ, впервые проводимая в таком масштабе после работ Ангарской землеустроительной экспедиции 1993 г. Геоботанические исследования предполагалось осуществлять последовательно, район за районом. В 2017 г. работы велись в Ямальском и Тазовском районах, в 2018 г. — в Приуральском, но запланированные на 2019 г. изыскания в Надымском так и не были выполнены.

Итоги обследований геоботаников 2017 г. оказались крайне двусмысленными как для специалистов в оленеводстве, так и для антропологов, работающих с коллективами кочевников (Отчет 2017). По расчетам, оленеемкость зимних пастбищ Ямальского района не превышает 6 500 голов, причем в северной тундре, приписанной к поселку Сеяха, она равняется «0». Не являясь специалистами в геоботанике и оценивая ямальские пастбища глазами наших информантов-олeneводов, отметим, что исследования проводились в полном отрыве от современных оленеводческих практик: дизайн работ игнорировал реальные маршруты касланий, зоны концентрации стад в разные сезоны и т. д. Выводы строились на основании детальных описаний отдельных площадок (для Ямальского района были выбраны три точки — в северной, типичной и южной тундрах), которые затем экстраполировались на всю территорию на основании космоснимков. Главный параметр, актуальный, вероятно, в большей степени для оленеводческих предприятий, исчисленный работами 2017 г., — это сведение в рамках одной формулы оленеемкости пастбищной площади и количества дней выпаса для оленя, не нарушающих экологического равновесия. Насколько эта цифра применима к обширным районам тундры, используемым под выпас круглогодично разными коллективами, — сказать трудно.

Задачи производственного оленеводства и стратегии частных хозяйств по целому ряду позиций существенно отличаются (Южаков 2003: 17 и далее). Выпас, осуществляющийся разными коллективами, базируется на потенциально отличных показателях оленеемкости, отвечающих часто несхожим задачам (Stammler 2005: 241–246). Например, совхозная бригада с многотысячным стадом каслает по утвержденному маршруту в установленные сроки с целью достичь плановых показателей сдачи мяса и сохранности оленпоголовья. Напротив, частники — хозяева средних или небольших стад — зачастую будут руководствоваться совершенно иными мотивами.

Пессимизм оценок ботаников не объясняет также ряда парадоксов. Так, в районах, где кормовые ресурсы оцениваются как исчерпанные, продолжают выпасаться значительные стада оленей (по оценке руководителя общины «Илебц», до 70 тыс. голов только в сеяхинской тундре). Более того, эта практика насчитывает уже не одно десятилетие. Далее, при общей оценке состояния пастбищ, где весомая роль в исследованиях отводится дистанционному зондированию, из анализа по сути исключаются внушительные по площади участки тундры. Иными словами, в «красную зону», оцененную как критическую для зимнего выпаса, попадают как действительно выбитые ягельники, так и районы, состояние которых самими же оленеводами характеризуется как удовлетворительное или хорошее.

ПРОБЛЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА

Обсуждения проблем деградации пастбищ ямальскими чиновниками и общественными деятелями ведутся на протяжении всего постсоветского периода. Примечательно, что даже вопросы и группа спикеров, их озвучивающих, практически не изменились, однако принципиальных реформ в системе оленеводства ЯНАО не произошло. В периодике 1990-х гг. отчетливее всего звучат две причины деградации ягельников и увеличения поголовья. Первая — изъятие пастбищ под нефтегазовое освоение, причем на страницах газет и журналов тех лет ведется открытая критика промышленных компаний и методов их работы, исчезнувшая в современных региональных СМИ. Вторая — нарушение сбыта мясной продукции из-за закрытия забойных пунктов, то есть отсутствие возможности сдать оленей. Высказывалось также мнение, что упадок факторий привел к концентрации оленеводов вблизи поселков, что увеличило прессинг на прилегающие пастбища (Шеметов 2002).

Цепочка событий «падеж 2013 г. — язва 2016 г. — последующие геоботанические исследования» сформировала на Ямале абсолютно новую общественную реакцию, когда экологи, журналисты и чиновники не просто «ополчились на оленей» (Головнёв и др. 2016: 147) — главными

виновниками всех проблем в тундре были объявлены сами ненцы-оленеводы, которым еще недавно приписывали максимально «экологическое» освоение природных ресурсов. Если раньше важнейшим фактором, осложнявшим жизнедеятельность оленеводческих коллективов, считалось развитие промышленной инфраструктуры, то теперь первопричиной кризиса оленеводства оказались сами ненцы.

Все эти события заново поставили вопросы государственного управления ямальским оленеводством. Правительство объявило о разработке мер по регуляции поголовья. Отслеживая управленческие решения, их презентацию в СМИ и перед тундровиками, а также рекомендации ученых и общественников, можно разделить их на две категории — это «обвинительный» и «романтический» подходы к проблеме.

Первый был в полной мере сформулирован на Дне оленевода в Яр-Сале в 2018 г., когда на собрание оленеводов приехала команда регионального департамента по науке представлять неутешительные результаты геоботанических исследований в Ямальском районе. Администрация района собрала на отдельное заседание крупных хозяйев-частников и представителей совхозов, чтобы обсудить ситуацию перевыпаса. Подход, который транслировали управленцы, подразумевал, что оленеводы как «виновники» пастбищных проблем должны сами найти решение. Глава района призывал опытных частников высказать предложения по сокращению поголовья и регулированию оборота пастбищ. Иными словами, государство, которое на протяжении всей истории взаимодействия с оленеводами вмешивалось в их жизнь, в рамках этого подхода перекладывает принятие масштабных решений на самих кочевников, в то время как положение, сложившееся с оборотом пастбищ, демографическим ростом и увеличением поголовья, — следствие проводимой в течение десятилетий государственной политики. Самоустранение государства из сферы регуляции в системе регионального оленеводства в современных условиях, на наш взгляд, не имеет перспективы.

Второй подход, высказываемый национальной интеллигенцией и некоторыми представителями социальных наук, сводится к уверенности, что в ненецком сообществе существуют механизмы регуляции и авторитетные люди, «вожди», способные повлиять на методы выпаса своих соседей в тундре и в целом — на принятие коллективных решений (Головнёв 2016). По нашим наблюдениям за социальными отношениями в тундре, такой сценарий кажется маловероятным, более того — противоречит самому стилю жизни оленеводов-частников. Прочитируем одного из информантов-оленеводов, говорящего о принятии системных решений: «Саня, <смеется, обращаясь к интервьюеру> ненцы сами никогда ничего не решат». Что касается авторитетов, то, по словам тундровиков, в среде «личников» таких нет и быть не может, несмотря на наличие опытных и уважаемых хозяйев. Даже в стойбищах из нескольких чумов авторитет

лидера — категория темпоральная. «Если мне не понравится с ними стоять, я взял, откаслал, и все», — это обычная практика.

Другая сторона этой позиции выражается в представлениях о том, что тундровики обладают традиционными экологическими знаниями, с помощью которых они могут преодолеть проблемы истощения пастбищ, а основным виновником современных трудностей продолжают оставаться промышленные компании, изымающие землю (Forbes 2013).

Следовательно, «обвинители» ямальских оленеводов настаивают на том, что ненцы *должны* решить глобальные проблемы регуляции выпаса сами, а «романтики» — на том, что они *могут* это сделать. Оба пути представляются нам маловероятными по приведенным выше обоснованиям.

В последние годы ямальское правительство выводило в медиа топы отдельные проекты, выдаваемые за универсальное решение пастбищных проблем. Один из них — изгородное оленеводство, то есть переселение части оленеводов со стадами в таежную зону Надымского района и выпас стад в изгороди на лесных ягельниках. Другой — организация на основе семей крестьянско-фермерских хозяйств, имеющих право на прямые дотации из окружного бюджета. Наряду с этим осенью 2019 года произошли серьезные изменения в экономике ямальского оленеводства: цены на сдачу мяса были подняты более чем в два раза, чтобы увеличить доходы тундровиков и мотивировать их забивать большее количество оленей, что, на наш взгляд, может иметь обратное следствие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискуссия о состоянии ямальского оленеводства и меры по его регуляции явились своего рода ответом на разовые события — гололед и падеж в 2013 г. и антракс в 2016 г. Избегая метафоры «тушение пожара», заметим, что они пока не носят планомерного характера, несмотря на разрабатываемую в регионе концепцию развития оленеводства. Представляется, что власти ЯНАО пытаются модифицировать существующую систему управления отраслью, приоритетное положение в которой отдается функционированию крупных государственных хозяйств — муниципальных предприятий, бывших совхозов. Новый закон об оленеводстве ЯНАО 2016 г. декларирует равенство всех субъектов оленеводства — от частных хозяйств до МОПов, но механизм реализации ключевых позиций (права на землю и порядок предоставления дотаций) остается непрозрачным. В итоге, «ремонтируя» систему, создававшую условия для поступательного развития в постсоветские десятилетия, государственное управление оленеводством в кризисной ситуации оказывается зачастую малоэффективным в современных условиях, когда преобладающая часть тундрового населения — оленеводы с частными стадами и личными стратегиями ведения хозяйств.

Наконец, принципиальную роль играет конкретное научное сопровождение, на которое ориентируются ямальские власти. Менеджмент в сфере оленеводства оперирует советской моделью расчета оленеёмкости пастбищ по лекалам 1930-х гг. (примером чему служит государственный заказ на геоботанические исследования), которую нельзя назвать универсальной, поскольку она не учитывает климатических изменений и других современных факторов, влияющих на условия выпаса оленей. Возможно, «перезагрузка» необходима как отрасли, так и исследовательским стратегиям ямальского оленеводства. Биологи, работы которых цитировались выше, достаточно искусственно рассматривают стада домашних оленей как внешний антропогенный фактор по аналогии с прессингом от нефтегазового освоения, в то время как история крупностадного оленеводства в регионе насчитывает несколько сотен лет.

Климатические изменения, наиболее стремительно происходящие в Арктике, обуславливают важность обращения к наблюдениям коренного населения, живущего в тундре, как в научных исследованиях, так и при выработке управленческих траекторий. Нам постоянно приходилось наблюдать отсутствие взаимодействия между чиновниками и оленеводами при заведомом скепсисе со стороны первых и недоверии вторых. Ярким примером подобных взаимоотношений стала история с нападениями песцов.

До сих пор на Ямале при оценке пастбищных ресурсов наука фокусируется на механическом подсчете фитомассы, тогда как перспективным кажется обратный взгляд — изучение состояния оленей в зависимости от практик выпаса и микрорегиональных особенностей и оценка пастбищ «глазами» оленя и оленевода. Актуальными видятся междисциплинарные социально-экологический и экосистемный подходы, рассматривающие в комплексе соотношение «пастбища — олени — люди», где оленеводы со своими стадами являются неотъемлемой частью тундровых экосистем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Волжанина Е. А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.

Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор / Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

Головнёв А. В., Лёзова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: «Издательство АМБ», 2014. 232 с.

Головнёв А. В. Риски и маневры кочевников Ямала // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 154–171. doi:10.17223/2312461X/14/8

Головнёв А. В., Гарин Н. П., Куканов Д. А. Оленеводы Ямала (материалы к Атласу кочевых технологий). Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 152 с.

Евладов В. П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС, 1992.

Опыт ликвидации сибирской язвы на Ямале в 2016 году / Под ред. А. Ю. Поповой, А. Н. Куличенко. Ижевск: ООО «Принт-2», 2017. 313 с.

Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Геоботаническая оценка оленьих пастбищ Ямальского и Тазовского районов Ямало-Ненецкого автономного округа. Рук.: К. А. Ермохина. Салехард, 2017. 291 с.

Первые выводы специалистов о падеже оленей в Ямальском районе // Север-пресс. 04.04.2018. URL: <https://sever-press.ru/2018/04/04/pervye-vyvody-spetsialistov-o-padezhe-olenej-v-yamalskom-rajone/> (дата обращения: 03.12.2019).

Перевалова Е. В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (147). С. 39–49.

Полевые материалы авторов, Терёхина А. Н., Волковицкий А. И., 2015–2016 (ПМА 2015–2016). Ярсалинская тундра, Ямальский район ЯНАО.

Полевые материалы авторов, Терёхина А. Н., Волковицкий А. И., 2017 (ПМА 2017). Ярсалинская тундра, Ямальский район ЯНАО.

Полевые материалы авторов, Терёхина А. Н., Волковицкий А. И., 2018 (ПМА 2018). Байдарацкая тундра, Приуральский район ЯНАО.

Полевые материалы авторов, Терёхина А. Н., Волковицкий А. И., 2018–2019 (ПМА 2018–2019). Ярсалинская тундра, Ямальский район ЯНАО.

Полевые материалы авторов, Терёхина А. Н., Волковицкий А. И., 2019а (ПМА 2019а). Байдарацкая тундра, Ямальский район ЯНАО.

Полевые материалы авторов, Терёхина А. Н., Волковицкий А. И., 2019б (ПМА 2019б). Сеяхинская тундра, Ямальский район ЯНАО.

Симонова Е. Г., Картавая С. А., Тутков А. В., Локтионова М. Н., Раичич С. Р., Толпин В. А., Дупян Е. А., Платонов А. Е. Сибирская язва на Ямале: оценка эпизоотологических и эпидемиологических рисков // Проблемы особо опасных инфекций. Саратов, 2017. Вып. 1. С. 89–93. DOI: 10.21055/0370-1069-2017-1-89-93.

Шеметов В. Сосуществование // Ямальский меридиан. 2002. №3. С. 4–6.

Южаков А. А. Ненецкая аборигенная порода северных оленей: дис. ... д-ра сельскохозяйственных наук. Салехард, 2003.

Bogdanov V. D., Golovatin M. G. Anthrax in Yamal: An Ecological View on Traditional Reindeer Husbandry // Russian Journal of Ecology. 2017. Vol. 48. No. 2. P. 95–100. DOI: 10.1134/S1067413617020059.

Forbes B. C. Cultural Resilience of Social-ecological Systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: A Focus on Reindeer Nomads of the Tundra // Ecology and Society. 2013. № 18 (4). P. 36. DOI: 10.5751/ES-05791-180436.

Forbes B. C., Kumpula T., Meschtyb N., Laptander R., Macias-Fauria M., Zetterberg P., Verdonen M., Skarin A., Kim K-Y., Boisvert L. N., Stroeve J. C., and Bartsch A. Sea ice, rain-on-snow and tundra reindeer nomadism in Arctic Russia // Biology Letters. 2016. № 12 (11), 20160466. DOI:10.1098/rsbl.2016.0466.

Morozova L. M., Ektova S. N. Rate of recovery of lichen-dominated tundra vegetation after overgrazing at the Yamal Peninsula // Czech Polar Report. 2015. № 5 (1). P. 27–32.

Sokolov A., Sokolova N., Ims R. A., Brucker L., Ehrich D. Emergent Rainy Winter Warm Spells May Promote Boreal Predator Expansion into the Arctic // *Arctic*. 2016. Vol. 69. No. 2. P. 121–129. DOI: 10.14430/arctic4559.

Stammler F. Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the 'End of the Land'. Münster, Westf: LIT, 2005. 379 s.

Terekhina A. N., Volkovitskiy A. I. The Panty Question in Yamal: Sawing, Trading, Discussing // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. № 12 (8). P. 1484–1505. DOI: 10.17516/1997–1370–0461.

Warren A. Changing Understandings of African Pastoralism and the Nature of Environmental Paradigms // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1995. Vol. 20 / No. 2. P. 193–203. DOI: 10.2307/622431.

REFERENCES

Bogdanov V. D., Golovatin M. G. Anthrax in Yamal: An Ecological View on Traditional Reindeer Husbandry. *Russian Journal of Ecology*, 2017, vol. 48, no. 2, pp. 95–100. (In English).

Evladov V. P. *Po tundram Yamala k Belomu ostrovu. Ekspeditsiya na Krajnij Sever poluostrova Yamal v 1928–1929 gg.* [On the tundra of Yamal to the White Island. Expedition to the Far North of the Yamal Peninsula in 1928–1929]. Tyumen: IPOS Publ., 1992. (In Russian).

Forbes B. C. Cultural Resilience of Social-ecological Systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: A Focus on Reindeer Nomads of the Tundra. *Ecology and Society*, 2013, no. 18 (4), p. 36. doi: 10.5751/ES-05791-180436. (In English).

Forbes B. C., Kumpula T., Meschtyb N., Laptander R., Macias-Fauria M., Zetterberg P., Verdonen M., Skarin A., Kim K.-Y., Boisvert L. N., Stroeve J. C., and Bartsch A. Sea ice, rain-on-snow and tundra reindeer nomadism in Arctic Russia. *Biology Letters*, 2016, no. 12 (11), 20160466. DOI:10.1098/rsbl.2016.0466. (In English).

Golovnev A. V., Garin N. P., Kukanov D. A. *Olenevody Yamala (materialy k Atlasu kochevyh tekhnologij)* [Reindeer herders of Yamal (materials for the Atlas of nomadic technologies)]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2016. (In Russian).

Golovnev A. V. [Risks and maneuvers of the Yamal nomads]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 2016, no. 4, pp. 154–171. (In Russian).

Golovnev A. V. *Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor* [Tundra Nomads: Nenets and Their Folklore]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2004. (In Russian).

Golovnev A. V., Lezova S. V., Abramov I. V., Belorussova S. Yu., Babenkova N. A. *Etnoekspertiza na Yamale: neneckie kochev'ya i gazovye mestorozhdeniya* [Ethno-expertise on the Yamal Peninsula: Nenets nomadic and gas deposits]. Ekaterinburg: «Izdatel'stvo AMB» Publ., 2014. (In Russian).

Morozova L. M., Ektova S. N. Rate of recovery of lichen-dominated tundra vegetation after overgrazing at the Yamal Peninsula. *Czech Polar Report*, 2015, no. 5 (1), pp. 27–32. (In English).

Perevalova E. V. Intervyu s olenevodami Yamala o padezhe olenej i perspektivah neneckogo olenevodstva [Interview with Yamal reindeer herders about the case of deer and the prospects of the Nenets reindeer husbandry]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal], 2016, no. 2 (147), pp. 39–49. (In Russian).

Shemetov V. [Coexistence]. *Yamal'skij meridian* [Yamal meridian], 2002, no. 3, pp. 4–6. (In Russian).

Simonova E. G., Kartavaya S. A., Titkov A. V., Loktionova M. N., Raichich S. R., Tolpin V. A., Lupyan E. A., Platonov A. E. [Anthrax in Yamal: assessment of epizootological and epidemiological risks]. *Problemy osobo opasnyh infekcij* [Particularly dangerous infections], 2017, no. 1, pp. 89–93. (In Russian).

Sokolov A., Sokolova N., Ims R. A., Brucker L., Ehrich D. Emergent Rainy Winter Warm Spells May Promote Boreal Predator Expansion into the Arctic. *Arctic*, 2016, vol. 69, no. 2, pp. 121–129. (In English).

Stammler F. *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the 'End of the Land'*. Münster, Westf: LIT, 2005. (In English).

Terekhina A. N., Volkovitskiy A. I. The Panty Question in Yamal: Sawing, Trading, Discussing. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, no. 12 (8), pp. 1484–1505. (In English).

Volzhanina E. A. *Etnodemograficheskie processy v srede nencev Yamala v 20 — nachale 21 veka* [Ethnodemographic processes among the Nenets of Yamal in the 20 — early 21 centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2010. (In Russian).

Warren A. Changing Understandings of African Pastoralism and the Nature of Environmental Paradigms. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 1995, vol. 20, no. 2, pp. 193–203. (In English).

Yuzhakov A. A. *Neneckaya aborigennaya poroda severnyh oleney: dokt. diss.* [Nenets native reindeer breed: diss. doct.]. Salekhard, 2003. (In Russian).

Submitted: 15.12.2019

Accepted: 30.03.2020

Article is published: 01.07.2020